

Леон Монтан

ИСКУШЕНИЕ ИНКВИЗИТОРА

Леон Монтан

Искушение инквизитора

<https://litres.ru/74583952>

Аннотация

Её долг — очищать мир от скверны. Её природа — сама скверна.

Инквизитор Аннабель верит в святость страдания и чистоту духа. В жестоком мире, где любое телесное удовольствие — смертный грех, она — идеальный солдат веры. Но под строгой сутаной скрывается тело, которое жаждет узнать то, что ей приказано уничтожать.

Её наставник Габриэль видит эту жажду. Он начинает её личное «обучение», превращая допросы еретиков в уроки для неё самой. Он использует розги и плети не для наказания, а для пробуждения её страсти. Он лишает её чувств не для пытки, а чтобы обострить её голод. Каждый ритуал очищения — это шаг вглубь её собственной тьмы, где он — её единственный проводник и властелин.

Медленно и неотвратимо он разрушает её веру, заменяя её новой религией — религией боли, подчинения и безграничного, животного желания.

Содержание

Глава 1. Серый орден	4
Глава 2. Исповедь и покаяние	10
Глава 3. Инструмент веры	20
Глава 4. Очищение огнём	29
Глава 5. Грань дозволенного	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Серый орден

Дождь в Этельгарде не смывал грехи. Он вбивал их глубже в брусчатку, превращая город в одну сплошную, блестящую от влаги рану.

Аннабель стояла неподвижно, позволяя ледяным струям стекать по жесткому капюшону её форменного плаща. Шерсть, грубая и колючая, неприятно терла шею, но она не смела пошевелиться. Любое движение, продиктованное стремлением к комфорту, было бы слабостью. А слабость — это трещина в броне, куда неминуемо просочится ересь.

— Ты дрожишь, сестра.

Голос прозвучал над самым ухом, и от этого звука по позвоночнику Аннабель пробежал разряд, куда более ощутимый, чем от холода.

Она медленно повернула голову. Старший инквизитор Габриэль возвышался над ней, подобно монолиту из черного гранита. Его лицо, иссеченное тенями от фонарного света, оставалось бесстрастным. Только глаза — холодные, цвета зимнего неба — внимательно изучали её профиль.

— Это холод, наставник, — тихо ответила Аннабель. Ложь, это было предвкушение... и страх.

— Плоть слаба, — констатировал Габриэль. — Но дух обязан держать её в узде. Мы здесь не для того, чтобы греться, мы здесь, чтобы выжигать.

Он перевел взгляд на неприметную дубовую дверь в стене склада, наполовину ушедшего под землю. Никаких вывесок, никаких знаков, только едва уловимый запах, пробивающийся даже сквозь вонь сточных канав и сырости. Запах сладких благовоний, розового масла и... мускуса. Запах животного тепла.

— Храм Плоти, — произнес Габриэль с отвращением, которое в его устах звучало как приговор. — Они называют это «святилищем любви». Мы называем это гнойником. Ты готова, Аннабель?

— Да, наставник.

— Тогда не отводи взгляд. Что бы ты ни увидела внутри — смотри. Это твой первый рейд на Культ Наслаждения. Ты должна знать врага в лицо. Даже если лицо это будет прекрасным.

Габриэль поднял руку в черной кожаной перчатке. Двое гвардейцев в масках, стоявших позади, рванулись вперед. Удар тарана — и дверь с треском слетела с петель.

Мир серых тонов и дождя мгновенно исчез.

В лицо Аннабель ударила волна горячего, душного воздуха. Свет здесь был не мертвенно-бледным, как на улицах, а янтарным, колеблющимся от сотен свечей. Стены подвала были задрапированы тяжелым алым бархатом, заглушающим звуки шагов.

Гвардейцы ворвались внутрь с криками: «Именем ордена чистоты! Всем оставаться на местах!». Началась паника,

звон разбитого стекла, женские вскрики.

Аннабель шагнула через порог вслед за Габриэлем, и её рука инстинктивно легла на рукоять освещенного серебром стилета на поясе. Оружие здесь оказалось лишним. Враг не нападал, враг... извивался.

Зал был полон тел. Обнаженных, полуприкрытых шелком, сплетенных в клубки, которые Аннабель видела только на гравюрах в закрытой секции библиотеки.

Здесь не было насилия. Люди, которых гвардейцы стаскивали с лож и ковров, выглядели не испуганными, а пьяными. Их глаза были затуманены не вином, а чем-то более густым и темным — экстазом.

— Смотри, — приказал Габриэль. Он не участвовал в задержаниях. Он стоял посреди хаоса, сцепив руки за спиной, и наблюдал. Не за еретиками, за ней.

Аннабель заставила себя смотреть.

Прямо перед ней, на низком диване, двое мужчин и женщина застыли в нелепой, гротескной позе, прерванные вторжением. Женщина, чья кожа блестела от пота и масла, подняла голову. Её грудь тяжело вздымалась, соски, натертые до красноты, затвердели от холода, ворвавшегося с улицы. Она посмотрела на Аннабель. В её взгляде не было раскаяния, в нём была жалость.

— Бедное дитя, — прошептала еретичка, когда гвардеец грубо схватил её за волосы. — Ты такая сухая. Ты горишь изнутри, но боишься огня.

Аннабель отшатнулась, словно её ударили.

— Молчать! — рывкнула она, и её собственный голос показался ей чужим, слишком высоким, истеричным. — Ты оскверняешь воздух своим дыханием, еретичка.

— Оскверняю? — женщина рассмеялась, даже когда её руки скручивали за спиной. — Мы молимся. Каждое прикосновение — молитва, каждый стон — гимн, а чему молишься ты, девочка в сером саване? Пустоте?

Габриэль шагнул вперед, перекрывая женщине обзор своей широкой спиной.

— Уведите её в нижние казематы. Я лично займусь её допросом.

Когда зал начал пустеть, и только разбросанная одежда да опрокинутые кубки с вином напоминали о недавнем пиршестве, Габриэль повернулся к ученице.

— Ты колебалась, Аннабель.

Это не было вопросом. Это было обвинением.

— Я... я была шокирована глубиной их падения, наставник. Эта грязь...

— Грязь? — Габриэль подошел к ней вплотную. Он был настолько близко, что Аннабель почувствовала запах его кожи. Он взял её за подбородок пальцами в жесткой коже перчатки и заставил поднять голову. — Ты видела не грязь, ты

видела удовольствие. Оно напугало тебя, потому что часть тебя — та самая темная, животная часть, которую мы обязаны убить, — отозвалась на него.

Сердце Аннабель колотилось так сильно, что ей казалось, Габриэль чувствует его удары через плотную ткань её мундира.

— Нет, — выдохнула она. — Я презираю их.

— Презрение — это щит, — тихо произнес он, и его большой палец с нажимом провел по её нижней губе. Грубо, властно. — Но щиты ломаются. Ты покраснела, сестра, твоё дыхание сбилось. Ты видела, как они касались друг друга, что ты представила в этот момент?

Аннабель зажмурилась.

— Ничего. Я молилась.

Габриэль резко отпустил её подбородок.

— Молитва не спасет тебя от природы, Аннабель. Только дисциплина. Только боль, которая очищает разум от тумана желаний. Собери улики. Все книги, всех идолов, ничего не пропусти.

Он развернулся и направился к выходу, его плащ взметнулся, как крыло ворона.

— И, Аннабель? — бросил он через плечо. — Сегодня

вечером ты придешь ко мне в келью. Мы обсудим то, что ты увидела, и то, что ты почувствовала.

Оставшись одна в полутемном зале, пропитанном запахом чужого греха, Аннабель судорожно выдохнула. Её ноги дрожали, но совсем не от холода.

Она подошла к низкому столику у стены, где лежала раскрытая книга в переплете из человеческой кожи. На страницах, выписанных золотом и киноварью, сплетались тела в немыслимых позах. Это было отвратительно, это было запретно. За хранение такой книги полагалось сожжение.

Аннабель протянула руку. Её пальцы, затянутые в серую перчатку, коснулись страницы. Кожа переплета была теплой, словно живой.

«Ты горишь изнутри», — вспомнила она слова еретички.

Аннабель резко захлопнула книгу. Вихрь мыслей пронёсся в её голове... нужно отдать её Габриэлю, нужно сжечь её.

Но вместо этого она оглянулась. Гвардейцы были заняты у входа, никто не смотрел.

Одним быстрым, хищным движением Аннабель сунула тяжелый том во внутренний карман своего плаща, туда, где он давил на ребра, обжигая даже через слои одежды.

— Да, наставник, — прошептала она в пустоту. — Мы обязательно это обсудим.

Глава 2. Исповедь и покаяние

Келья послушницы была образцом аскетизма: узкая койка, застеленная грубым серым сукном, распятие на голой каменной стене и крошечное окно-бойница, в которое сейчас яростно стучал дождь. Здесь пахло сыростью и холодным воском — запахом, который Аннабель впитала с молоком матери, запахом праведности.

Но сегодня воздух в келье казался ей густым и душным.

Аннабель сидела на краю кровати, дрожащими пальцами сжимая украденный том. «Libro Carnis» — «Книга Плоти». Она знала латынь, знала догматы, знала, что за одно прикосновение к этому фолианту её душу ждет вечное проклятие, а тело — очистительный костер. Но её пальцы сами собой гладили тисненую кожу переплета, теплую, словно живую плоть.

Она открыла книгу наугад.

Страница вспыхнула перед глазами, как греховное видение. Иллюстрация была выполнена с пугающей, завораживающей детализацией. Две фигуры, сплетенные в единый узел страсти. Лицо женщины было искажено не мукой, а экстазом, который Аннабель видела сегодня в подвале. Её рот был приоткрыт в немом крике, глаза закатывались, а тело выгибалось дугой, навстречу мужчине, который властно сжимал её горло одной рукой, а другой...

Аннабель судорожно втянула воздух. Жар, родившийся внизу живота еще в подвале, теперь вспыхнул настоящим пожаром. Это было физическое ощущение — тяжелое, пульсирующее, требующее. Её бедра непроизвольно сжались, ткань грубой рясы натянулась.

«Грех», — прошептал голос разума.

«Наслаждение», — ответило тело.

Она провела пальцем по линии бедра нарисованной женщины. Её собственное дыхание стало прерывистым. Аннабель представила, каково это — чувствовать на своей шее не жесткий воротник форменного плаща, а сильные пальцы.

Образ мужчины на картинке расплылся, и на мгновение ей показалось, что она видит знакомые черты. Резкие скулы, холодные серые глаза, тонкие, жесткие губы.

Габриэль.

Аннабель с ужасом захлопнула книгу, словно та обожгла её. Книга с глухим стуком упала на пол.

— Господи, помилуй меня грешную, — прошептала она, сползая с кровати на колени. Камень пола больно впился в кожу, но этой боли было недостаточно.

Аннабель прижала лоб к ледяной стене, пытаясь остудить пылающее лицо. Она желала своего наставника. Она осквернила свою душу похотью.

Часы на городской ратуше пробили полночь. Глухие, тяжелые удары, отсчитывающие время её падения.

Аннабель знала, что должна сделать. Исповедь. Только исповедь могла вытянуть этот яд, пока он не отравил её окончательно. Но пойти к обычному священнику значило признаться в преступлении, за которое её лишат сана и, возможно, жизни.

Был только один человек, который имел право судить её. Тот, кто видел, как она дрожала в подвале. Тот, кто предупреждал её.

Она спрятала книгу под матрас — трусливый, жалкий поступок, но расстаться с ней она уже не могла — и накинула плащ. Коридоры инквизиции были пустынные. Только факелы чадили в железных кронштейнах, отбрасывая длинные, пляшущие тени, похожие на демонов, преследующих её по пятам.

Дверь в покои старшего инквизитора была массивной, окованной черным железом. Аннабель замерла перед ней, чувствуя, как тревожно бьётся сердце. Она подняла руку и постучала. Три раза. Коротко, как удар плети.

— Войди.

Голос Габриэля прозвучал так ясно, словно он стоял прямо за дверью.

Аннабель толкнула створку. Внутри было темно, горел лишь камин и несколько свечей на массивном дубовом столе, заваленном свитками и картами. Габриэль сидел в кресле с высокой спинкой, погруженный в чтение какого-то доклада. Он был без верхней мантии, в простой белой рубашке,

расстегнутой у ворота, что открывало вид на жилистую шею и ключицы. Эта деталь — такая домашняя, такая человеческая — ударила по Аннабель сильнее, чем вид обнаженных тел в храме.

Он даже не поднял головы.

— Тебе не спится, сестра? Совесть — плохая подушка.

Аннабель закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной, словно ища опоры.

— Я... я пришла исповедаться, наставник.

Габриэль медленно отложил перо. Скрип его кончика о пергамент показался оглушительным в тишине комнаты. Он поднял на неё глаза. В полумраке они казались почти черными.

— Исповедаться? В час волка? Обычно в это время приходят либо за спасением, либо за смертью. В чем твой грех, Аннабель?

Она сделала шаг вперед, ноги не слушались.

— Я... я видела сегодня скверну. И она... она проникла в меня.

— Конкретнее. Бог не любит загадок.

— Я почувствовала... жар, — выдавила она, опустив глаза в пол. Смотреть на него было невыносимо. — Когда мы были там, и потом, в келье. Я думала о... о том, что видела, и я... я захотела понять. Не умом, наставник, телом.

Тишина стала вязкой, тяжелой. Габриэль встал. Он двигался бесшумно, как хищник. Подошел к ней вплотную, но не коснулся. Она чувствовала тепло, исходящее от него, запах чернил и свечного воска.

— Ты возжелала плотского, Аннабель? Ты, невеста ордена? — его голос был тихим, почти ласковым, но в нем звенела сталь. — Ты представила себя на месте той шлюхи?

— Да, — выдохнула она, и слеза, горячая и злая, скатилась по щеке. — Я грешна, наставник. Я слаба. Накажите меня, очистите меня.

Габриэль молчал долго. Он смотрел на нее сверху вниз, изучая её дрожащие губы, влажные глаза, вздымающуюся грудь.

— Наказание? — наконец произнес он задумчиво. — Боль — это слишком просто. Боль проходит. Боль можно перетерпеть, можно даже полюбить её, как любят острое вино. Нет, Аннабель, твой грех — это гордыня плоти. Ты позволила своему телу диктовать волю разуму. Значит, мы должны показать твоему телу его место.

Он отошел к камину и указал на каменные плиты перед

очагом. Грубый, нетесаный камень, холодный и твердый.

— На колени.

Аннабель моргнула.

— Наставник?

— Ты слышала меня, на колени. Прямо здесь. Руки за спину, спина прямая, взгляд — в огонь.

Она покорно опустилась. Камень мгновенно впился в колени сквозь тонкую ткань рясы. Холод пола пробирал до костей, контрастируя с жаром огня, который опалял лицо.

— Сколько мне... молиться? — спросила она робко.

Габриэль вернулся к столу и сел. Взял перо.

— Ты не будешь молиться. Молитва требует чистоты помыслов, а твои помыслы сейчас грязны. Ты будешь просто стоять и думать о своей слабости. Пока я не разрешу тебе встать или пока ты не упадешь.

Он вернулся к работе, словно её здесь не было.

Первые десять минут прошли в напряженном ожидании. Аннабель держала спину идеально ровно, чувствуя себя мученицей. Она почти наслаждалась этим. «Я искупаю», — думала она.

Но потом началась настоящая пытка.

Камень перестал быть просто холодным. Он превратился в тысячи игл, впивающихся в коленные чашечки. Кровообращение замедлилось, ноги начали неметь, а потом — гореть огнем. Мышцы спины, лишённые поддержки, заныли. Каждая минута растягивалась в вечность.

Тишину нарушал лишь скрип пера и треск поленьев в камине. Габриэль не смотрел на неё. Он пил вино из кубка, переворачивал страницы, делал пометки. Это безразличие ранило сильнее, чем удар хлыста. Она была для него не женщиной, не любимой ученицей, а предметом мебели, поставленным в угол.

Через час боль стала невыносимой. Аннабель начала мелко дрожать. Пот катился по спине между лопаток. Ей хотелось закричать, сменить позу, упасть и растереть онемевшие ноги.

— Нас... наставник... — прохрипела она, не в силах сдержаться.

Перо замерло.

— Я разрешал тебе говорить?

Голос хлестнул, как пощечина.

— Нет.

— Тогда молчи. Твое тело страдает? Хорошо, пусть стра-

дает. Оно хотело внимания? Вот оно его получило. Терпи, Аннабель, терпи и помни: каждая секунда боли сейчас выжигает секунду похоти, которую ты посмела впустить в себя.

Она закусила губу до крови. Слезы застилали глаза, превращая огонь в камине в размытое красное пятно. Боль пульсировала в коленях, отдаваясь в бедрах, в позвоночнике. Но странным образом, сквозь эту агонию пробивалось что-то еще. Чувство правильности, чувство принадлежности.

Он управлял ею. Он владел её болью. И в этом была высшая форма близости.

Прошел еще час или два... время потеряло смысл. Аннабель уже не чувствовала ног ниже колен. Она держалась только на силе воли и страхе разочаровать его. Она начала тихо всхлипывать, не в силах остановиться. Её гордыня, её самоуверенность осыпались пеплом. Осталась только маленькая, дрожащая девочка перед великим инквизитором.

Внезапно скрип стула прервал тишину. Шаги.

Габриэль подошел к ней сзади. Аннабель напряглась, ожидая удара или окрика, но вместо этого она почувствовала его руку на своей макушке. Тяжелую, теплую ладонь. Он слегка надавил, заставляя её склонить голову еще ниже.

— Ты выдержала, — тихо произнес он. — Твое тело кричало, но ты не сдвинулась. Это... похвально.

Он обошел её и встал так, что его ноги в высоких сапогах оказались прямо перед её лицом.

— Посмотри на меня.

Аннабель с трудом подняла голову. Шея затекла так, что движение отдалось хрустом. Она смотрела на него снизу вверх, сквозь пелену слез и боли. Габриэль выглядел как божество — суровое, карающее, но милостивое.

— Встань, — приказал он.

Она попыталась, но ноги отказали. Аннабель с вскриком повалилась на бок, ударившись плечом о камень. Стыд обжег её сильнее огня. Она — инквизитор, воин веры, валяется на полу, как сломанная кукла.

— Простите... я не могу...

Габриэль опустился перед ней на корточки. В его глазах не было насмешки, только холодное, клиническое внимание.

— Конечно, не можешь. Я забрал у тебя силу. Теперь ты видишь, как легко сломить плоть?

Он протянул руки и, к её изумлению, легко подхватил её на руки, как ребенка. Аннабель ахнула, инстинктивно обхватив его за шею. От него пахло вином и силой. Её щека коснулась грубой ткани его рубашки, и сердце пропустило удар.

Он понес её к своему креслу. Опустил её туда, а сам сел на край стола, глядя на неё сверху вниз.

— Сиди. Кровообращение вернется, будет больно. Кричи, если хочешь. Здесь стены толстые.

— Спасибо, наставник, — прошептала она, чувствуя, как тысячи иголок начинают впиваться в оживающие ноги. Это

была мука, но она улыбалась сквозь слезы.

— Не благодари, — его голос стал глуше, темнее. — Это был только первый урок, Аннабель. Мы только начали очищать твой сосуд. В следующий раз... я не буду так милосерден.

Он наклонился к ней и его лицо оказалось в опасной близости.

— Иди в свою келью, когда сможешь идти. Подумай вот о чем: почему боль от моей воли принесла тебе больше удовлетворения, чем молитва?

Он выпрямился и отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Аннабель сидела в его кресле, чувствуя, как боль в ногах утихает, уступая место звенящей, кристальной ясности. Она не покаялась, о, нет... Она влюбилась в свою кару.

Глава 3. Инструмент веры

Особняк лорда Валериуса дышал пороком, хотя внешне выглядел как цитадель благочестия. Высокие стрельчатые окна, строгий серый камень фасада, идеально подстриженные тисовые кусты — все это было маской. Аннабель чувствовала ложь кожей, как чувствуют приближение грозы.

Она шла на шаг позади Габриэля, стараясь, чтобы стук её каблуков попадал в такт его уверенной, тяжелой поступи. Её колени все еще помнили холод камня прошлой ночи. Легкая, ноющая боль при каждом шаге служила напоминанием: она принадлежит ордену, она принадлежит ему.

Лорд Валериус, тучный мужчина с бегающими глазками и влажными ладонями, встретил их в холле. Он рассыпался в приветствиях, слишком громких и суетливых для невинового человека.

— Инквизитор Габриэль! Какая честь! Мой дом — ваш дом. Прошу, проходите, может быть, вина?

— Мы здесь не ради вина, милорд, — голос Габриэля прорезал лесть, как скальпель гнойник. — Мы здесь ради вашей коллекции.

— Коллекции? — Валериус побледнел, капли пота выступили на его напудренном лбу. — Я... я собираю редкие мо-

неты, но...

— Не монеты.

Габриэль прошел мимо хозяина, словно тот был предметом мебели. Он уверенно направился к широкой лестнице, ведущей вниз, в сторону винных погребов. Аннабель последовала за ним, чувствуя, как внутри натягивается струна тревоги. Наставник знал, куда идти. Он всегда знал.

Они спустились в сырое чрево особняка. Здесь пахло плесенью и дорогим табаком. Габриэль остановился перед неприметной стеной, обшитой дубовыми панелями. Он провел рукой по дереву, нащупал скрытый механизм, и панель бесшумно отъехала в сторону.

Валериус за их спинами издал сдавленный всхлип и осел на пол, закрыв лицо руками.

— Гвардия, — бросил Габриэль, не оборачиваясь. — Уведите его. Никого сюда не пускать. Я проведу опись ереси лично. Сестра Аннабель останется со мной как свидетель и писарь.

Когда тяжелая дверь за их спинами захлопнулась, отрезая их от внешнего мира, Аннабель поняла, что они попали не в тюрьму. Они попали в храм, но божество здесь было иным.

Комната была просторной, освещенной десятками свечей в настенных канделябрах. Пол устилали мягкие ковры, поглощающие звуки. В центре стояло странное сооружение из

темного дерева и кожи — нечто среднее между крестом и дыбой, но выполненное с пугающим изяществом. А по стенам...

Аннабель замерла. Стены были увешаны инструментами, но это были не ржавые клещи палачей ордена, предназначенные для грубого вырывания правды. Это были произведения искусства. Плетки из тончайшей кожи с рукоятками, инкрустированными серебром. Ошейники из бархата и стали. Зажимы, цепи, стеки — всё отполированное, ухоженное, ждущее прикосновения.

— Красиво, не правда ли? — тихо спросил Габриэль. Он подошел к стене и снял один из предметов — длинный, гибкий стек, обтянутый черной кожей.

Аннабель вздрогнула.

— Это... орудия пыток, наставник. Как они могут быть красивыми? Это мерзость.

— Мерзость? — Габриэль повернулся к ней, вертя стек в пальцах. — Взгляни внимательнее, сестра. Палач использует топор, чтобы отсечь лишнее. Еретик использует это, чтобы добавить. Добавить чувств там, где их быть не должно.

Он сделал шаг к ней. В его глазах плясали отблески свечей, делая взгляд почти демоническим.

— Знаешь ли ты, Аннабель, почему церковь запрещает подобные игры? Не из-за боли, боль — наш союзник. Мы

носим власяницы, мы бичуем себя ради смирения. Нет, церковь запрещает это, потому что здесь боль становится ключом к воротам, которые должны быть заперты.

Аннабель попятилась, но уперлась спиной в деревянный столб в центре комнаты. Бежать было некуда.

— К каким воротам? — прошептала она, не в силах оторвать взгляд от гибкого черного прута в его руках.

— К воротам полного контроля и полного подчинения.

Габриэль подошел вплотную. Он возвышался над ней, закрывая собой свет.

— Ты боишься, — констатировал он. — Твое дыхание сбилось, зрачки расширены. Ты смотришь на эти предметы и представляешь, как они касаются твоей кожи. Твое воображение сейчас — твой враг, Аннабель. Оно рисует картины, которые оскверняют твой разум.

Он поднял руку. Аннабель зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Вместо этого Габриэль аккуратно снял с её шеи белый форменный платок.

— Зрение обманчиво, — прошептал он ей на ухо. Его голос вибрировал в её черепе, вызывая мурашки. — Глаза видят угрозу там, где её нет, но не видят там, где она есть. Чтобы понять природу этих инструментов, ты должна перестать видеть. Ты должна только чувствовать.

Он набросил платок ей на глаза и туго завязал на затылке.

Мир погрузился в темноту, но остальные чувства мгновенно обострились до предела. Она слышала шорох его одежды, скрип кожи его перчаток, тяжелый запах воска и его собственный запах — холодный и опасный.

— Руки за спину, — приказал он. Тон не терпел возражений.

Аннабель подчинилась, сцепив пальцы в замок за поясницей. Она стояла в полной темноте, беззащитная, открытая.

— Наставник, это... это часть познания? — её голос дрожал.

— Это урок, — ответил он, и его голос раздался уже с другой стороны. Он двигался вокруг неё, бесшумно, как хищник вокруг жертвы. — Еретики ищут в этом удовольствие. Мы же найдем в этом истину.

Свист. Резкий, короткий звук рассекаемого воздуха прямо у её уха. Аннабель дернулась, вскрикнув, но боли не было. Стек прошел в миллиметре от её кожи.

— Страх, — произнес Габриэль. — Первичная реакция. Твое тело сжимается, ожидая боли. Кровь приливает к мышцам, сердце разгоняет её по венам. Ты чувствуешь, как горят твои щеки? Как напрягся живот?

— Да... — выдохнула она.

Второе прикосновение было настоящим, но не таким, как она ожидала. Прохладный кончик стека коснулся её ключицы, там, где воротник рясы был расстегнут. Он не ударил. Он

медленно, с нажимом пополз вниз, к ложбинке груди.

Это было невыносимо. Медленное скольжение гладкой кожи по разгоряченному телу. Аннабель чувствовала каждый дюйм движения. Она не знала, ударит ли он в следующую секунду или продолжит эту мучительную ласку. Незнание сводила её с ума.

— Нервные окончания, — лекторским тоном продолжил Габриэль, пока стек очерчивал контур её груди через грубую ткань рясы. — Они глупы, Аннабель. Они не отличают удар от прикосновения, пока оно не случится. Сейчас твоё тело находится в состоянии высшей готовности.

Стек скользнул ниже, к талии, затем резко, хлестко ударил по воздуху рядом с её бедром. Она снова дернулась, из горла вырвался сдавленный стон.

— Тише, — прошептал он, и она почувствовала его дыхание на своей шее. Он стоял прямо за её спиной. — Чего ты боишься? Боли? Или того, что тебе понравится это напряжение?

Он провел рукояткой стека по её позвоночнику, сверху вниз, медленно пересчитывая позвонки. Аннабель выгнулась навстречу этому движению, сама того не осознавая. Её колени подогнулись, и если бы не столб, к которому она прижималась, она бы упала. Внизу живота разлилось тяжелое, тягучее тепло, которое пульсировало в такт ударам сердца.

Это было неправильно. Это было грешно. Это было божественно.

— Я вижу тебя настоящую. Ты дрожишь, твои губы приоткрыты, твои соски твердые, они трутся о ткань, требуя прикосновения. Это анатомия греха, сестра. Твое тело предает тебя. Оно жаждет подчинения.

Он обошел её и встал спереди. Кончик стека уперся ей в подбородок, заставляя поднять голову.

— Ты чувствуешь свою беспомощность? Ты ничего не видишь. Ты не знаешь, где я нахожусь. Ты не знаешь, что я сделаю. Твоя воля сейчас не принадлежит тебе. Она в моих руках и в этом инструменте.

Он провел стеклом по её шее, слегка надавливая на сонную артерию. Аннабель судорожно сглотнула. Смесь ужаса и возбуждения была такой сильной, что у неё закружилась голова. Ей хотелось, чтобы он ударил. Чтобы он прекратил эту пытку ожиданием и дал ей разрядку через боль, или чтобы он поцеловал её. Она уже не понимала разницы.

— Наставник... пожалуйста... — прошептала она.

— Что «пожалуйста», Аннабель? — стек спустился ниже, уперся в живот, чуть ниже пупка. — Ты хочешь, чтобы я остановился?

«Нет», — кричало все её существо.

— Я хочу... я хочу понять, — прошептала она.
Габриэль убрал стек.

— Урок окончен.

Эти слова прозвучали как приговор. Темнота под повязкой стала нестерпимой. Аннабель стояла, тяжело дыша, чувствуя себя брошенной на краю пропасти.

Через мгновение она почувствовала, как его руки развязывают узел на затылке. Повязка упала и свет свечей резанул по глазам, заставив её зажмуриться.

Когда она проморгалась, Габриэль уже стоял у стола, аккуратно возвращая стек на место, в бархатный футляр. Он выглядел абсолютно спокойным, собранным. Никаких следов той тьмы, что шептала ей на ухо секунду назад.

— Эти предметы будут изъяты и уничтожены, — произнес он деловым тоном, не глядя на неё. — Мы закончили опись. Приведи себя в порядок, сестра. У тебя пылает лицо, не подобает инквизитору выглядеть так, будто она только что вышла из борделя.

Аннабель коснулась своей щеки. Кожа горела. Она посмотрела на Габриэля, на его широкую спину, обтянутую черным сукном. В её душе, там, где раньше была непоколебимая вера, теперь зияла дыра. И эта дыра жаждала быть заполненной им. Его голосом, его властью.

Она поправила сбившийся воротник, пригладила волосы и, стараясь, чтобы голос не дрожал, ответила:

— Да, наставник. Я поняла урок.

В глубине души она знала: это был не конец урока. Это

было только вступление. И она, Аннабель, отличница Серого Ордена, впервые в жизни хотела провалить экзамен на святость, лишь бы остаться на пересдачу в этой комнате.

Глава 4. Очищение огнём

Ошибка Аннабель была непростительной. Она знала это еще до того, как Габриэль вошел в допросную.

Пленница — юная послушница тайного культа, пойманная во время облавы в порту, — плакала. Не кричала, не умоляла, а просто тихо, безнадежно всхлипывала, сжавшись в комок на ледяном полу. Её тонкие плечи вздрагивали под грубой тканью арестантской робы. Аннабель смотрела на неё и видела не врага веры. Она видела испуганного ребенка.

— Я... я просто хотела быть любимой, — шептала девушка сквозь слезы. — Они говорили, что богиня любит всех... что тело — это храм...

Рука Аннабель с занесенным пером дрогнула. Вместо того чтобы записать признание в ереси, она отложила протокол.

— Тише, — произнесла она, нарушая устав. — Выпей воды. Тебе холодно?

Она даже потянулась, чтобы накинуть на плечи девчонки свой плащ, когда дверь с грохотом распахнулась.

Габриэль стоял на пороге, подобный воплощению гнева господня. Его лицо было бесстрастным, но в серых глазах бушевал ледяной шторм. Он одним взглядом оценил ситуацию: плачущую еретичку, смягчившуюся инквизиторшу, стакан воды в её руке.

— Убрать, — тихо сказал он смотря на пленницу. Гвардейцы, возникшие за его спиной, подхватили девушку под руки и выволокли прочь, не обращая внимания на её слабые протесты.

Дверь захлопнулась. Они остались одни.

Аннабель медленно встала, чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Наставник, я... я пыталась установить доверительный контакт...

— Ты пыталась проявить милосердие, — перебил он, подходя к столу. — К той, кто отвергла свет. Жалость, Аннабель, — это яд. Он разъедает волю быстрее, чем кислота. Ты пожалела её плоть, забыв о её душе. А душа, оскверненная ересью, требует не воды, а огня.

Он обошел стол и встал перед ней.

— Твой дух слаб, сестра. Ты колеблешься. Ты ищешь оправдания греху, потому что сама носишь его в себе. Твоя жалость к ней — это жалость к себе.

Аннабель опустила голову.

— Я виновата, наставник.

— Виновата, — согласился Габриэль. — И вина требует искупления. Не молитвой и не постом, действием.

Он развернулся и направился к выходу.

— Следуй за мной.

Путь до его покоев показался Аннабель вечностью. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустых коридорах. Она знала, что её ждет. Устав Ордена был суров: за проявление слабости во время допроса полагалось телесное наказание. Очищение через боль.

В келье Габриэля, как всегда, царил полумрак. Он подошел к высокому шкафу, достал оттуда тонкий, гибкий пучок ивовых прутьев — розги. Они были свежими, пахнущими горькой корой. Инструмент не для пыток, а для воспитания, для смирения.

— Раздевайся, — приказал он, не оборачиваясь. — До нательной рубашки.

Аннабель судорожно вздохнула. Её пальцы не слушались, путаясь в пуговицах плотной инквизиторской куртки. Она сняла перевязь с оружием, верхнюю одежду, оставшись в тонкой белой сорочке до колен. Холодный воздух кельи коснулся кожи, вызывая озноб.

Габриэль повернулся. Он держал розги в правой руке, легонько постукивая ими по ладони левой. Звук был тихим, но в тишине комнаты он звучал как гром.

— Подойди к столу и обопрись руками. Спину прогнуть, ноги на ширине плеч.

Аннабель выполнила приказ. Дерево стола холодило ла-

дони. Она закрыла глаза, чувствуя, как сердце бьется о ребра, словно птица в клетке. Поза была унижительной, открытой, незащитной. Она чувствовала себя не воином веры, а провинившейся послушницей. И от этого чувства по телу разливался странный, пугающий жар.

— Ты понимаешь, за что я наказываю тебя? — спросил Габриэль, вставая сзади.

— За слабость, наставник. За жалость к ереси.

— Неверно, — свист рассекаемого воздуха.

Первый удар обжег ягодицы огненной полосой. Аннабель вскрикнула, дернувшись вперед, но тут же заставила себя вернуться в исходное положение. Боль была острой, жалящей, мгновенной.

— Я наказываю тебя за гордыню, — произнес Габриэль ровно. — Ты решила, что твое милосердие выше закона божьего. Ты поставила свои чувства выше долга.

Второй удар был сильнее. Он лег чуть ниже первого, крест-накрест. Аннабель закусила губу, сдерживая стон. Слезы брызнули из глаз.

— Считай, — приказал он.

— О... один... — выдохнула она, сбившись.

— Два, — поправил он. — Сначала. И громче.
Третий удар.

— Один! — выкрикнула Аннабель. Боль разливалась по телу горячей волной, выжигая мысли, оставляя только ощущения. Стыд, страх... и странное, темное чувство правильности происходящего.

— Хорошо.

Габриэль работал методично. Он бил не со злостью. Его движения были точными, выверенными, почти ритуальными. Свист — удар — пауза. Свист — удар — пауза. Он давал ей время прочувствовать каждый ожог, осознать и принять его.

Аннабель потеряла счет времени. Мир сузился до размеров стола, за который она цеплялась побелевшими пальцами, и голоса наставника за спиной.

— Пять... Шесть... — её голос срывался на хрип.

Сорочка прилипла к вспотевшей спине. Ягодицы и бедра горели огнем, словно их окунули в кипяток. Но с каждым ударом, с каждой вспышкой боли, что-то внутри неё ломалось. Та стена, которую она возводила годами — стена из правил, догм, приличий — рушилась, обнажая её истинную сущность.

Она перестала думать о еретичке, перестала думать о долге. Она думала только о нём. О его руке, наносящей удары, о его власти над ней. Боль стала мостом, соединяющим их. Аннабель принимала её не как наказание, а как дар. Как доказательство того, что она важна ему. Что он тратит на неё свое время, свои силы, чтобы сделать её лучше, чище.

— Десять...

Габриэль остановился. В комнате повисла тишина, нарушаемая только тяжелым, прерывистым дыханием Аннабель.

— Достаточно, — произнес он, откладывая розги.

Аннабель не шевельнулась. Она впала в то состояние, о котором читала в запретных книгах, но никогда не испытывала сама. Транс. Пространство, где нет времени, нет забот, есть только звенящая пустота и эйфория от пережитого. Её тело дрожало, но это была не дрожь страха. Это была дрожь экстаза.

Габриэль подошел к ней. Он положил руку ей на поясницу, там, где заканчивалась полоса огня. Его прикосновение было прохладным и неожиданно нежным.

— Посмотри на меня, Аннабель.

Она с трудом оторвалась от стола и повернулась. Её лицо было мокрым от слез и пота, волосы спутались, губы распухли. Она должна была выглядеть жалко.

Но когда она подняла глаза, Габриэль увидел в них не унижение, не страх и не раскаяние.

Он увидел обожание.

Ее зрачки были расширены до предела, затапливая радужку чернильной тьмой. В этом взгляде были абсолютная, собачья преданность и желание... Чистое, незамутненное, животное желание, смешанное с благодарностью за боль.

Габриэль замер. Он видел такое у фанатиков, идущих на костер. Он видел такое у влюбленных женщин, но видеть это

у своего лучшего инквизитора, после жестокой порки...

Это возбуждало.

— Твои глаза, — тихо произнес он, проводя большим пальцем по её мокрой щеке. — Они не чисты, Аннабель. Они полны тьмы.

— Вы... вы очистили меня, наставник, — прошептала она, прижимаясь щекой к его ладони, как кошка. — Спасибо. Мне... мне так легко теперь.

Она не понимала, что говорит. Её разум плавал в эндорфиновом тумане. Она потянулась к нему, неосознанно ища утешения, ища близости. Её рука легла ему на грудь, прямо на сердце, которое билось ровно и сильно.

Габриэль перехватил её запястье.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — жестко сказал он, но не оттолкнул её. — Боль опьянила тебя. Это не просветление, это дурман.

— Мне все равно, — выдохнула она, глядя на его губы. — Главное, что это сделали вы, только вы. Никто другой не имеет права...

Габриэль резко отпустил её руку и отступил на шаг. Воздух между ними наэлектризовался до предела. Если бы он сейчас приказал ей встать на колени и сделать что угодно — она бы сделала без колебаний. И он это знал.

Искушение воспользоваться этой властью, взять эту покорность прямо сейчас, на этом столе, было почти невыно-

симым.

— Оденься, — его голос прозвучал хрипло. — И уходи. Молитва завершит очищение.

Аннабель моргнула, словно просыпаясь. Реальность начала возвращаться, а вместе с ней — стыд и осознание произошедшего. Она подтянула сползшую лямку сорочки, прикрывая горящую кожу.

— Да, наставник.

Она одевалась медленно, морщась от каждого прикосновения ткани к воспаленной коже. В каждом её движении теперь была новая грация — грация женщины, познавшей свою уязвимость и принявшей её.

Уходя, она обернулась у двери. Габриэль стоял спиной к ней, глядя в окно на дождь.

— Я буду молиться, наставник, — тихо сказала она. — О том, чтобы... чтобы быть достойной вашего урока.

Дверь закрылась.

Габриэль остался один. Он посмотрел на свою руку — ту, которой держал розги, и ту, которой касался её щеки. Его пальцы слегка дрожали.

— Ересь, — прошептал он в пустоту. — Это чистая ересь.

Он подошел к столу, взял кубок с вином и осушил его залпом. Вино показалось водой. Вкус её обожания был куда крепче.

Глава 5. Грань дозволенного

Аббатство святого Иуды, затерянное среди свинцовых пи-
ков северного кряжа, встретило их гробовым молчанием.
Снег здесь падал не мягкими хло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.